

Вопросы истории. 1976, № 5

ПОЛИТИЧЕСКАЯ БОРЬБА В ВЕНЕЦИИ В ПЕРВЫЕ МЕСЯЦЫ РЕСПУБЛИКИ 1848 ГОДА

Невлер Владимир Ефимович

Революция 1848—1849 гг. в Италии явилась одним из важнейших этапов национально-освободительного движения в этой стране. Начавшись с восстания в Палермо (Сицилия) 12 января 1848 г., она вскоре охватила весь Апеннинский полуостров и дала толчок развертыванию революционных движений в других европейских странах. К. Маркс отмечал, что палермское восстание, «как электрический ток», подействовало на народные массы Франции¹. Революционные события в Венецианской области развивались параллельно с движением в других итальянских государствах. Но особенность революции в этой принадлежавшей тогда Австрии части Италии, упорное и наиболее длительное сопротивление народных масс австрийцам обусловили влияние борьбы в Венеции на ход событий во всей Италии.

В советской историографии нет специальных работ о Венецианской республике 1848 года. В дореволюционной русской исторической литературе этой теме посвящена лишь одна статья². Проблем классовой борьбы в Венецианской республике мало касалась и итальянская историография. Между тем публикация сборников важных документов проливает новый свет на политику партий и отдельных деятелей³ и вместе с другими источниками позволяет глубже рассмотреть проблему политической борьбы в Венеции в 1848 году.

Перед революцией 1848 г. Венецианская область являлась частью так называемого Ломбардо-Венецианского королевства, входившего в состав Австрии. Исторический путь Венеции отличался от пути развития других итальянских государств. Еще в начале средних веков из общин отдельных островов, расположенных в лагуне на севере Адриатического моря, было образовано государство. Это была аристократическая республика, в которой господствовали представители земельной знати и патрициата. В 1797 г. по Кампоформийскому миру почти вся территория бывшей Венецианской республики была передана Австрии. В 1805 г. в Венеции устанавливается наполеоновское господство, а в результате решений Венского конгресса она снова подпадает под власть Австрии. Республиканские традиции оставили глубокий след в сознании всех классов венецианского общества, они передавались от одного поколения к другому и не были забыты в период полувекового иноземного господства.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 7, стр. 12.

² В. Авсеенко. Борьба Венеции с Австрией в 1848—1849 гг. «Вестник Европы», 1866, т. 3—4.

³ «La Repubblica Veneta nel 1848—1849. Documenti diplomatici». Vol. I—II. Padova. 1949—1954 (далее — «Documenti diplomatici»); «Verballi del Consiglio dei ministri della Repubblica Veneta». A cura di A. Ventura. Venezia. 1957 (далее — «Verballi»).

Революция в Ломбардо-Венецианской области началась вскоре после восстания в Палермо. Главнокомандующий вооруженными силами Австрии фельдмаршал Радецкий превратил эту область, по существу, в огромную тюрьму, но никакой террор был не в состоянии приостановить патриотическое движение. В январе 1848 г. по многим городам области прокатилась волна протеста против произвола австрийских оккупантов, произошли столкновения между патриотами и полицией. 18 января были арестованы руководители демократического течения освободительного движения в Венеции адвокат Д. Манин и писатель Н. Томмазео. Их арест вызвал еще большее возмущение патриотов. Накал движения нарастал с каждым днем. 17 марта одновременно в Милане (главном городе Ломбардии) и Венеции начались восстания. В Милане в результате пятидневных баррикадных боев австрийская армия была разбита и бежала. Было образовано временное правительство Ломбардии, в котором преобладали умеренные либералы.

В Венеции восстание началось с демонстрации. Затем толпа народа бросилась к тюрьме и освободила Манина, Томмазео и других узников. Патриоты несли их на руках до площади св. Марка, где Манин выступил с яркой патриотической речью. Демонстрация повторилась на следующий день. Австрийские солдаты открыли огонь по толпе и убили пять человек. Этот кровавый акт вызвал глубокое негодование венецианцев. Теперь восстания нельзя было избежать. Манин удерживал массы от необдуманных выступлений. Он и его соратники разрабатывали план восстания. Манин считал, что опорой восстания будут рабочие арсенала и гражданская гвардия, созданная 18 марта. Выступление было назначено на 22 марта. Не дожидаясь прихода Манина, рабочие убили жестокого начальника арсенала полковника Мариновича, после чего Манин с отрядом гражданской гвардии без боя захватил арсенал. Оружие и боеприпасы оказались в руках восставших. Военный губернатор Ф. Зичи вынужден был подписать акт о капитуляции, и австрийская армия покинула Венецию. 22 марта на площади св. Марка, заполненной народом, Манин провозгласил республику и заявил, что Венеция будет одним из центров, которые послужат делу объединения Италии⁴. 23 марта он сформировал Временное правительство, в которое вошли представители демократических сил и либеральной буржуазии. Важнейшие посты в правительстве заняли, кроме Манина, сохранившего за собой также пост министра иностранных дел, Н. Томмазео, Я. Кастелли, Ф. Солера и П. Палеокапа. В качестве министра без портфеля в правительство вошел рабочий А. Тоффоли.

23 марта на площади св. Марка народ утвердил состав правительства и избрал Манина президентом республики. Это было правительство компромисса, на который Манин пошел, учитывая соотношение политических сил. Преобладающим влиянием в правительстве в первое время пользовались Манин и его соратники. Однако вскоре началась борьба между партийными группировками, отражавшими различные классовые интересы.

Первой заботой правительства было обеспечение обороны Венеции и всех провинций республики. Австрийские войска были изгнаны из Венеции, рассеяны, но не уничтожены. Враг мог сосредоточить свои силы и попытаться задушить республику. Правительство Манина учитывало эти обстоятельства и с первых дней своей деятельности направило все усилия на организацию обороны. 28 марта был создан комитет обороны «для содействия военному министру в его мероприятиях по организации защиты страны», как говорилось в декрете⁵. Председателем ко-

⁴ Н. Martin. Daniel Manin. P. 1861, p. 55.

⁵ «Raccolta per ordine cronologico di tutti gli Atti, decreti ecc. del Governo provvisorio della Repubblica Veneta». T. I. Venezia. 1848, pp. 209—210 (далее — «Raccolta»).

митета был военный министр Солера. В его состав вошли генерал Дж. Буа, полковник Л. Бонниотти, командиры батальонов Г. Фонтана, П. Стеккини и Э. Федерико. Прежде всего были укреплены форты Венеции и подступы к неукрепленным городам провинции. Численность рабочих в мастерских арсенала, где ремонтировалось значительное количество разных судов и строились новые и где работало 1100 человек, была увеличена до 1900 человек⁶. За счет моряков торгового флота был усилен военный флот. Все эти мероприятия привлекли внимание генерального консула России Г. Фрейганга, сообщавшего в депеше от 6 апреля, что «Временное правительство трудится денно и нощно, чтобы обеспечить оборону города и лагуны Венецианской провинции»⁷.

Однако правительству республики не удалось создать боеспособной армии, которая могла бы противостоять австрийской. Было образовано всего несколько батальонов, а этого было явно недостаточно для отражения предстоявшего натиска австрийских войск. Правительство совершило ошибку, распустив итальянских солдат из бывшего австрийского гарнизона (более 3 тыс. человек). Солдаты просили разрешить им вернуться в родные места, чтобы защищать их от нападения австрийцев. По распоряжению правительства они были отпущены, причем многие из них — с оружием в руках. Между тем эти хорошо обученные солдаты могли бы послужить ядром будущей армии республики. Другой ошибкой правительства явилась раздача вооружения населению. Вначале оружие выдавалось разным городам провинций, затем — мелким коммунам и всем тем, кто просил⁸. Вместо того, чтобы создать централизованную армию, правительство республики рассчитывало на организацию обороны на местах — даже там, где нельзя было ожидать столкновения с противником. Эти просчеты вызвали недовольство и нарекания. Больше всего в этом обвиняли военного министра Солеру, который вынужден был 1 апреля подать в отставку.

Лучше обстояло дело с проведением в жизнь обещанных социальных и политических реформ. Этими вопросами правительство Манина занималось с первого дня своего существования. Уже 23 марта были опубликованы два декрета. Первым из них предусматривалось введение в лицеях обязательного преподавания истории Италии, вторым отменялись позорящие человеческое достоинство телесные наказания в армии и флоте, применявшиеся в Австрийской империи⁹. В последующие дни были изданы декреты о полном равенстве гражданских и политических прав всех граждан, независимо от их религиозных убеждений; о свободе печати; о введении института адвокатуры и права подсудимого избирать себе защитника¹⁰. Эти декреты явились первыми шагами к ликвидации старой, абсолютистской системы и созданию демократического государства. Затем были осуществлены некоторые социальные реформы в интересах широких народных масс: отменена подушная подать — налог, который ложился тяжелым бременем особенно на крестьян; снижена на одну треть цена на соль; освобождены от всяких налогов рыбаки; в целях лучшего распределения помощи нуждавшимся изданы декреты о реорганизации благотворительных учреждений и о безвозмездной выдаче из ломбардов заложенных вещей, если ссуда под залог не превышала четырех лир; в целях содействия развитию науки был открыт доступ в государственные архивы всем желающим заниматься исследованиями¹¹. В интересах буржуазии были снижены ввозная и вывозная тамо-

⁶ L. Garnier-Pagès. Histoire de la révolution de 1848. T. I. Italie. P. 1861, p. 109.

⁷ Архив внешней политики России (АВПР), ф. Канцелярия, 1846, д. 194, л. 25 (хотя депеша от 6 апреля 1848 г., но архивное дело помечено: «1846 г.»).

⁸ V. Marchesi. Storia documentata della rivoluzione e della difesa di Venezia negli anni 1848—1849. Venezia. 1913, p. 136.

⁹ D. Manin. Documents authentiques... T. I. P. 1860, p. 171.

¹⁰ «Raccolta», T. I, pp. 96, 212, 230—231.

¹¹ Ibid., pp. 151, 210, 560; T. II, p. 182.

женные пошлины на некоторые товары, а на шелк-сырец они были полностью отменены.

Эти реформы осуществлялись в обстановке обострения классовой борьбы и начавшейся освободительной войны. Реакционные силы развернули подпольную подрывную деятельность против нового режима и стремились помешать проведению в жизнь мероприятий правительства республики. Для обеспечения государственной безопасности был создан Комитет общественного надзора¹². Как сообщала 4 апреля 1848 г. «Gazzetta di Venezia», «в некоторых городах бывшие владельцы, откормленные народной кровью, пытаются вернуться на свои места; они — враги любого проявления свободы». 6 апреля эта же газета посвятила передовую статью вопросам организации борьбы с реакцией. Отмечая, что Венеция придет на помощь провинциям в их борьбе с врагами родины, газета призывала народные массы к бдительности и готовности сражаться за независимость и свободу.

Тайные интриги против республиканского строя вели даже некоторые министры Временного правительства. В депеше от 28 апреля русский генеральный консул конфиденциально сообщал: министр Палеокапа в эти дни встретился с королем Пьемонта (Сардинского королевства) Карлом Альбертом; он уверил короля, что «Венеция не замедлит с отходом от республики Манина; провинции против этой формы правления, но, к сожалению, население этого города (Венеции. — В. Н.) придерживается еще республики»¹³. Палеокапа и стал одним из инициаторов ликвидации республики и присоединения ее территории к пиемонтской монархии.

Столкновения между демократическими силами и правыми элементами начались вскоре после образования республики. Народные массы требовали принять решительные меры против происков реакции. Собственно, поэтому-то и был создан Комитет общественного надзора. Но Манин не хотел обострять борьбу между партиями, а, наоборот, старался погасить ее (сказывался компромисс, на который он пошел при формировании Временного правительства). Весьма характерно в этом отношении обращение, опубликованное 26 марта за подписями Манина и Томмазо. В нем, в частности, говорилось: «Наша политическая догма — братство. В великой семье бога все люди — братья. Поэтому всякий, кто под предлогом политического мнения или какого-либо действия оскорбит гражданина (республики) или иностранца, будет гражданской гвардией отведен к приходскому священнику, который делает ему замечание... Против тех, кто повторит подобный поступок, будут приняты более строгие меры»¹⁴. Бывшим австрийским чиновникам — даже тем, которые были повинны в преследовании Манина и его друзей, — разрешалось свободно проживать в Венеции, хотя они вместе с реакционными силами плели интриги против республики.

Такой либерализм по отношению к врагам вызывал недовольство патриотов. Один из деятелей мартовской революции в Венеции, Ф. Федерико, писал, что во время переговоров по формированию правительства и при разработке его программы Манин «вел себя не столько как трибун, сколько как диктатор»¹⁵. Такое поведение главы демократических сил может казаться вполне естественным, если учесть тот авторитет, каким он пользовался. Тем не менее Манин считал необходимым участие представителей умеренных либералов в руководстве страной, чтобы тем самым создать правительство национального единства, способное повести борьбу за независимость. Однако примиренческое отношение к коле-

¹² Ibid. T. II, p. 52.

¹³ АВПР, ф. Канцелярия, 1846, д. 194, л. 38.

¹⁴ D. Manin. Documents authentiques... T. I, p. 161.

¹⁵ F. Federico. Del periodo politico e della vita intima di Daniele Manin. Venezia. 1868, p. 40.

баниям и неправильным действиям министров-либералов способствовало тому, что «диктатор» вскоре оказался в правительственном меньшинстве.

Большое влияние на положение Временного правительства и самого Манина оказал ход военных операций против Австрии. Победа революции в Венеции и Милане ускорила начало войны. Эта победа вызвала патриотический порыв у населения всего Апеннинского полуострова. Во многих городах проходили массовые демонстрации, участники которых требовали начать войну против Австрии. Не дожидаясь ее объявления итальянскими государством, многие патриоты устремились в Ломбардию и Венецию. Видный итальянский революционер Ф. Орсини писал в своих воспоминаниях, что, как только стало известно о революции в Ломбардо-Венецианской области, «Италия охватило пламя. «На войну! В лагерь!» — такие крики слышались со всех сторон»¹⁶.

Патриотический подъем, негодование против Австрии были очень сильными в Сардинском королевстве. Карл Альберт после некоторого колебания вынужден был уступить давлению широких масс. 23 марта он опубликовал обращение «К народам Ломбардии и Венеции», в котором извещал, что его войска вступают на территорию Ломбардии и Венеции «под трехцветным итальянским знаменем с савойским гербом» для оказания помощи «защитникам поправных прав» — той помощи, которую «друг ожидает от друга, а брат от брата»; Карл Альберт подчеркнул, что тем самым он желает «продемонстрировать чувство национального единства»¹⁷. Одновременно министр иностранных дел Сардинского королевства Л. Парето в нотам, разосланных главам великих держав, оправдывал это решение необходимостью помешать установлению в Ломбардии демократического строя, который был бы опасным для спокойствия всех итальянских государств. Это объяснение вскрывало истинные причины вступления Пьемонта в войну. Правящие круги Сардинской монархии опасались движения народных масс и установления республиканского строя в Ломбардо-Венецианской области. Они стремились присоединить эту территорию и образовать Североитальянское королевство под эгидой Савойской династии.

Временное правительство Венецианской республики переживало напряженные дни. Организация армии шла медленно, не хватало средств на покупку оружия. В начале апреля проявились первые неудачи в строительстве нового, демократического государства. Манин и его соратники пытались сплотить патриотические силы для того, чтобы дать отпор врагу. Но этому мешала корыстная политика правительства Сардинского королевства, под влиянием которого вскоре подпали министры-либералы Временного правительства Венецианской республики.

Консолидация национальных сил была невозможна без установления прочной связи между Временным правительством и властями в провинциях. Временные правительства в провинциях, созданные после мартовской революции, были вскоре преобразованы в департаментские комитеты. Но почти сразу же проявились противоречия между городами континентальной части области и Венецией. Эти противоречия имели давнюю историю. В период существования аристократической республики Венеция господствовала над городами континентальной ее части, подчиняя их своим политическим и экономическим интересам. Противоречия между Венецией и ее провинциями особенно обострились в XVIII в., когда она переживала упадок, а в городах провинций начался экономический подъем. С тех пор города континентальной части республики стали относиться с недоверием и неприязнью к Венеции, называя ее «доминантой». При учреждении новой власти общественные круги и руководи-

тели провинций вспомнили о былом господстве Венеции, указав, что форма правления и состав правительства установлены без их участия. Поэтому не все провинции сразу и безоговорочно выразили свое желание присоединиться к новой республике.

В первые же дни ее существования Временное правительство обратилось к Карлу Альберту за помощью. В ставку короля были посланы граф Дж. Читтаделла и адвокат Б. Бенвенути. Как свидетельствует секретарь короля Ч. Т. Кастаньетто, Карл Альберт «оказал им холодный прием». Кастаньетто объясняет причины такой встречи: «Как он мог принять людей, говорящих ему только о республике, которую они создали под его носом; они приехали просить солдат, но не предлагают взамен никакой компенсации»¹⁸. О встрече и беседах в ставке короля Читтаделла и Бенвенути подробно написали в письме Временному правительству от 14 апреля: «Военный министр... дал нам понять, что Пьемонт не может руководствоваться лишь рыцарским духом и что надеется получить компенсацию за столько жертв его. Он нам не сказал, в чем состоит эта компенсация, но многие из приближенных короля нам открыто говорили, что речь идет о создании из Пьемонта и Ломбардо-Венецианской области единого конституционного королевства... Этот проект встречает препятствие из-за формы правления, установленной нами, и поэтому на нас смотрят с подозрением... Главное состоит в том, что слово «республика» не нравится ему (королю.— В. Н.) и его министрам, ... которые являются роялистами...»¹⁹.

Давление Карла Альберта и его окружения оказало свое воздействие в первую очередь на провинции. Последние поддались влиянию пропаганды сторонников присоединения к Сардинской монархии, ибо со второй половины апреля возросла опасность австрийского вторжения. К середине апреля Радецкий произвел перегруппировку своих сил и получил новые подкрепления. 17 апреля выступил с 15-тысячным войском генерал Л. Нугент, который продвигался в провинции Фриули. Наступление Нугента вызвало тревогу во всех провинциях. Этим умонастроением не преминули воспользоваться правые либералы — в правительстве и вне его. Скрытая оппозиция стала теперь поднимать голову. Манину с трудом удавалось противостоять ее натиску. Опираясь на поддержку народных масс, он и его соратники проводили линию защиты республики, хотя прочного большинства в правительстве уже не имели. Наиболее активными противниками Манина стали министры Палеокапа, Камерата и Кастелли, которые считали конституционную монархию лучшей формой правления и в присоединении республики к Сардинской монархии видели спасение для страны²⁰.

Заслушав отчеты Читтаделлы и Бенвенути (на заседании правительства 18 апреля) о беседах с Карлом Альбертом и его окружением и получив известие о наступлении войск Нугента, правительство 21 апреля после непродолжительной дискуссии приняло решение послать министра внутренних дел Палеокапу к Карлу Альберту с просьбой об оказании помощи в борьбе против австрийцев. Этот выбор может считаться уступкой Манина требованиям оппозиции. Поручив своему идейному противнику такую важную миссию, Манин стремился в какой-то мере успокоить оппозиционно настроенных членов правительства. Учитывая свои расхождения в политических взглядах с Манином и его сторонниками, Палеокапа попросил, чтобы ему были даны точные инструкции о содержании переговоров с королем. Исходя из характера предстоящей беседы, он составил вопросник и требовал, чтобы на каждый вопрос в инструкции был дан ответ. Палеокапа предвидел, что в переговорах с Карлом

¹⁸ V. Ferrari. Carleggio Casati-Castagnetto. Milano. 1909, p. 53.

¹⁹ «Documenti diplomatici». Vol. I, p. 27.

²⁰ «Verballi», pp. 39—40; 62; A. Ventura. Lineamenti costituzionali del Governo provvisorio di Venezia nel 1848—1849. Padova. 1955, p. 27.

¹⁶ Ф. Орсини. Воспоминания. М.—Л. 1934, стр. 110.

¹⁷ «Le Assemblee del Risorgimento». Vol. I. Roma. 1911, p. 121.

Альбертом и его министрами неизбежно встанут вопросы о форме правления в Венеции, об объединении ее с Ломбардией и образовании Североитальянского королевства. Поэтому он включил эти вопросы в инструкцию. По каждому пункту в инструкции был дан четкий ответ. На вопрос о том, «как ответить королю и его министрам, если они спросят, согласны ли мы отказаться от республиканской формы правления», был дан ответ: «Мы примем такую форму правления, какую пожелает нация». На вопрос о возможности объединения Венецианской республики с Ломбардией и создании Североитальянского государства правительство ответило, что это решит Учредительное собрание²¹. Инструкцию подписали все члены правительства — показатель того, что Манин в то время еще удерживал в своих руках власть и что министры-либералы пока еще не решились открыто выступить против республиканской формы правления.

Как и предвидел Палеокапа, вопросы, включенные в инструкцию, действительно были заданы во время его переговоров в ставке короля. Но Палеокапа был не искренен, когда он просил дать ему инструкции. Он превысил свои полномочия, нарушив эти инструкции. Отвечая на вопрос секретаря короля Кастаньетто, он сказал, что в Венеции теперь склонны к объединению с Ломбардией²² (этого добивалась Сардинская монархия, так как Временное правительство Ломбардии, состоявшее из умеренных либералов, поддерживало идею о создании Североитальянского королевства под эгидой Савойской династии).

Содержание переговоров Палеокапы с Карлом Альбертом вскоре стало известно членам правительства, и не только им (о них узнал даже русский генеральный консул в Венеции). Борьба между умеренными либералами и демократами во Временном правительстве приняла драматический характер. Манин был возмущен двуличным поведением Палеокапы и собирався его дезавуировать. Патетическое письмо министра Каstellи Манину от 27 апреля дает представление об этой борьбе в правительстве между двумя группировками. Во имя спасения родины он умолял президента уступить, отказаться от своего намерения; он уверял, что мнение Палеокапы и его друзей «согласуется с общим мнением». Каstellи просил Манина не настаивать на своем решении, ибо речь идет о спасении народа²³. Это письмо сильно подействовало на Манина и побудило его пойти на уступки. В тот же день он отправил военному министру Сардинского королевства Дж. Францини письмо, в котором просил оказать республике военную помощь. Подтвердив заявление Палеокапы, он писал, что поддержка пьемонтских войск «покажет более ясно правительству его величества, что здесь чувство итальянского единства является искренним и не менее сильным, чем в провинциях Ломбардии». Манин добавил, что форма правления, установленная в Венеции 22 марта, «может быть изменена нашей в интересах общего итальянского дела»²⁴. Хотя в письме прямо не говорится о присоединении к идее создания Североитальянского королевства, но из контекста видно, что речь идет именно об этом. На это же указывает фраза: «...подтверждаем то, что Палеокапа заявил министру Кастаньетто».

Письмо Манина было осуждено многими демократами, в том числе министром просвещения республики Н. Томмазо, который по этому поводу написал его автору послание: «Отношусь с почтением к доводам, побудившим людей, которых я уважаю и люблю, писать королю Карлу Альберту слова, которые не могу подписать... Я оставил бы мой пост более достойному, если бы это не могло показаться в этот момент преступ-

ной робостью и если бы я был уверен, что враги добра не воспользуются этим фактом, чтобы возбудить новые разногласия. Мои коллеги знают хорошо, сколько мне стоит этот протест и сколько мне стоит мое молчание»²⁵. Томмазо просил Манина «зачитать это письмо коллегам» на заседании правительства.

Вполне понятно недовольство друзей Манина его колебаниями, которые проявились в письме к Францини. Но следует иметь в виду, что в те дни Манин уже не имел большинства ни в правительстве, ни в стране. Его власть держалась на личном авторитете (Каstellи в письме к нему намекал и на это); но постепенно она ускользала из его рук. Министры-либералы сумели воспользоваться обстоятельствами, сложившимися вследствие наступления австрийских войск, и заставили Манина пойти на уступки. Либо выполнить требования либералов, либо уйти в отставку — такова была альтернатива. Но отставка президента в то время принесла бы большой ущерб революции, освободительному движению. Манин это хорошо понимал. Он учитывал, что в борьбе политических сил в данный конкретный момент демократы имеют мало шансов на победу, но надеялся, что в конечном счете все решит общенациональное Учредительное собрание, которое будет создано после победы над австрийцами. Идя на уступки, Манин оставался верным демократическим принципам, своим политическим идеалам.

Миссия Палеокапы, с которой было связано обострение борьбы между группировками в правительстве, способствовала тому, что в Венецианскую республику был отправлен корпус папских войск под командованием генерала Дж. Дурандо (около 11 000 человек). Этот корпус находился в распоряжении Карла Альберта, который после переговоров с Палеокапой приказал Дурандо (24 апреля) выступить против Нугента²⁶. Ф. Энгельс, с неослабным вниманием следивший за освободительной борьбой в Италии, в том числе в Венеции, отметил по этому поводу, что Карл Альберт предоставлял Радецкому и его генералам «захватывать в венецианских провинциях город за городом, крепость за крепостью» и что «Венецию он только тогда считал достойной своей помощи, когда она стала искать спасения под его короной»²⁷.

По мере продвижения австрийской армии, которая встречала очень слабое сопротивление, все большая часть городов и провинций высказывалась за объединение с Ломбардией и за присоединение к Сардинскому королевству. Сторонники присоединения (их называли «альбертистами») активизировали свою деятельность, они начали открытую пропаганду против республиканского строя, указывая, что Временное правительство является помехой развертыванию боевых действий сардинской армии. Дошло до того, что департаментский комитет Падуи предложил снять слово «республика» в официальных бумагах и обращениях²⁸. Положение Манина и его приверженцев в правительстве становилось все более затруднительным. Видя, что Манин уже не имеет большинства в правительстве, министры-либералы стали предъявлять ультимативные требования. 8 мая министр внутренних дел Палеокапа обратился с просьбой освободить его от занимаемого поста, так как его принципы больше не соответствуют принципам Манина²⁹. Испытывая удары внешних врагов, ослабленное внутренними разногласиями, Временное правительство переживало кризис.

В эти тяжелые для республиканцев Венеции дни завязалась переписка между Манином и главой демократических сил Италии Дж. Мад-

²⁵ «Verballi», p. 153.

²⁶ «Documenti diplomatici». Vol. I, p. 32; P. Pieri. Storia militare del Risorgimento. Torino. 1962. pp. 375—376.

²⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 5, стр. 392.

²⁸ V. Marchesi. Op. cit., p. 187.

²⁹ «Documenti diplomatici». Vol. I, p. 619.

²¹ «Documenti diplomatici». Vol. I, pp. 29—31.

²² M. Cessi Drudi. Carteggi di Pietro Paleocapa nel 1848—1849. «Studi di storia padavana a veneta». Miscellanea. Vol. VIII. Venezia. 1952, p. 10.

²³ «Documenti diplomatici». Vol. I, p. 601.

²⁴ Ibid., pp. 602—603.

знии, который 7 апреля 1848 г. прибыл в Милан, где в его честь была устроена демонстрация. Мадзини сразу окупнулся в политическую борьбу, стремясь сплотить демократические силы Италии. Он проявил большой интерес к Венецианской республике и к ее деятелям. Вскоре после приезда в Милан Мадзини написал несколько писем своему старому другу Томмазо, а затем и Манину, с которым он раньше никогда не встречался. В письме Томмазо от 18 апреля 1848 г. Мадзини подчеркивал, что он сделает все для организации военной помощи республике и что небольшой отряд под командованием генерала Антонини уже отправился в Венецию³⁰.

18 мая 1848 г. Мадзини отправил Манину первое письмо. Характеризуя двух офицеров, которые выразили желание сражаться против австрийцев, Мадзини писал ему: «Не знаю — известен ли я Вам, и может ли рекомендация человека, борovéhoся в течение восемнадцати лет под республиканским знаменем, которое Вы теперь поддерживаете в Венеции, иметь значение для рекомендации Вам двух французских офицеров... Пользуюсь случаем, чтобы сказать Вам, что я глубоко уважаю Вас и что если Вы считаете, что я могу быть в какой-то мере полезным для дела, — воспользуйтесь мною...»³¹. Манин хорошо знал о самоотверженной борьбе Мадзини, как знали об этом все итальянские патриоты. Послание Мадзини глубоко взволновало его. Он сразу же ответил ему задушевным письмом, в котором писал о своих переживаниях и чаяниях: «Много лет я почитаю и люблю Вас, глубокоуважаемый защитник и мученик священного дела, которому должно быть предано каждое истинно итальянское сердце... Я рассчитываю на Вашу деятельность и желаю, чтобы не осуществились безрассудные и нелояльные намерения ломбардских руководителей, которые встают против народного суверенитета, и в то время, как они с лицемерной пышностью водружают знамя объединения, они сеют разделение и разногласие по всей Италии, особенно в этих провинциях, подстрекают к неповиновению или к восстанию против правительства нашей республики. И все это, чтобы содействовать осуществлению целей короля, который войну за национальную независимость хотел бы превратить в войну ради увеличения и завоевания для своей династии. Поднимите же, прошу Вас, Ваш мощный голос, разоблачайте подлые проски, покажите, что нашему делу угрожает опасность провала, когда национальный вопрос превращается в династический»³². Это письмо не только отражает отношение Манина к Мадзини, оно дает представление о политике Временного правительства Ломбардии, подавляющее большинство которого состояло из умеренных либералов, сторонников присоединения к Сардинской монархии.

Манин хотел немедленно вызвать Мадзини в Венецию, полагая, что его приезд может содействовать сплочению патриотов под эгидой республиканцев. Он рассказал об этой идее Томмазо, но тот ему ответил, что «слишком различны натуры» его (Манина. — В. Н.) и Мадзини, и поэтому советовал воздержаться от приглашения. Манин послушался Томмазо и «не вступил в длинные рассуждения» по этому вопросу³³. Несмотря на это, Мадзини продолжал проявлять большой интерес к Вене-

цианской республике, он написал Манину ряд писем, стараясь повлиять на политику Временного правительства.

В мае — июне 1848 г. политическая борьба в Венецианской республике, как и в Ломбардии, активизировалась. Этому содействовали проски официальных представителей и тайных агентов сардинского правительства. Правящие круги Пьемонта требовали немедленного решения вопроса о присоединении территории Ломбардо-Венецианской области к Сардинской монархии и в этой связи усилили свое давление на временные правительства. Под этим давлением правительство Ломбардии после острой дискуссии 12 мая издало декрет о проведении плебисцита по вопросу о присоединении. Борьба между противниками и сторонниками присоединения к Сардинскому королевству была борьбой между демократическими силами и монархическими группировками. Издав декрет о плебисците, правительство Ломбардии окончательно высказалось за монархию. Оно добивалось, чтобы Временное правительство Венецианской республики поступило таким же образом. Вскоре после опубликования декрета в Венецию был послан представитель правительства Ломбардии К. Гонзалес с целью оказать давление на провинции. Его предложение о проведении плебисцита по вопросу о присоединении к Пьемонту встретило благоприятный отклик в некоторых провинциях³⁴.

Но в Венеции, как и в Милане, декрет о плебисците вызвал недовольство. Демократические круги резко осудили правительство Ломбардии за этот декрет, которым оно нарушило взятые на себя обязательства. В связи с изданием декрета республиканцы Милана организовали многочисленную демонстрацию, в которой приняли участие трудящиеся города. На следующий день, 13 мая, Мадзини и его сторонники опубликовали протест, в котором осудили действия правительства Ломбардии. Они указывали, что декрет о плебисците является недостойным актом для правительства свободной страны, ибо в обстановке войны, в условиях присутствия армии, которая представляет определенное мнение, не может быть реализовано свободное волеизъявление народа, тем более что не была проведена предварительная дискуссия. Отмечая, что декрет является незаконным, авторы протеста писали: «Непосредственные последствия декрета могут стать опасными для дела мира и свободы страны. Этим декретом вы создаете предлог для иностранного вмешательства, отвергаемого всеми... Мы не поднимем перчатку, которую вы бросаете нам. Мы не будем сопротивляться во имя наших прав, потому что сопротивление явилось бы началом гражданской войны; гражданская же война, и без того преступная, будет вдвойне преступной теперь, когда неприятель опустошает наши провинции. Мы надеемся, что сограждане поймут нашу жертву»³⁵. Этот протест подписали 43 человека, среди которых были такие видные деятели демократического движения, как Дж. Сиртори, Э. Порро, К. Тенка, Ф. Де Бони, Э. Чернуски, и другие. Одновременно в программном документе, извещавшем о скором выходе газеты «Italia del popolo», Мадзини писал, что республиканцы — против идеи создания королевства Северной Италии, так как значительно труднее будет объединить три сильных государства, чем семь или шесть слабых государств³⁶.

Вскоре после того как в провинциях Венецианской республики стал известен текст декрета Временного правительства Ломбардии, они также приняли решение о проведении плебисцита по вопросу о присоединении к Сардинскому королевству. В декрете предусматривалось, что голоование должно быть закончено 29 мая. Но провинции, которые уже давно стремились присоединиться к Сардинскому королевству, торопились

³⁰ G. Mazzini. Scritti Editi ed Inediti. Vol. I.—С. Imola. 1906—1943 (далее — SEN). Appendice. Vol. IV, p. 17. Генерал Д. Антонини был видным революционером, участником польского восстания 1831 года. В мае 1848 г. в битве с австрийцами у Виченцы он был тяжело ранен — потерял руку; Временное правительство назначило его командантом Венеции, но 31 мая 1848 г. он отказался от этого поста, протестуя против решения об объединении Венеции с Ломбардией (Ibid. Vol. XXXV, pp. 186—188).

³¹ G. Mazzini. SEN. Appendice. Vol. IV, pp. 22—23.

³² G. Garbarin. Il Mazzini, il Tommaseo, il Manin e la difesa di Venezia. «Archivio Veneto», 1929. Vol. V, p. 322.

³³ N. Tommaseo. Venezia negli anni 1848 e 1849. Memorie storiche inedite. Vol. II. Firenze. 1950, pp. 103, 104.

³⁴ A. Monti. Un italiano: Francesco Restelli. Milano. 1933, p. 339.

³⁵ G. Mazzini. SEN. Vol. XXXVI, pp. 309—310.

³⁶ Ibid. Vol. XXXVIII, pp. 6—7.

с проведением плебисцита, и 21 мая посланец правительства Ломбардии уже направился в ставку Карла Альберта, чтобы сообщить о полном успехе его миссии в провинциях Венецианской республики³⁷.

Заседания Временного правительства республики 18 и 19 мая были полны драматизма. Страстные выступления одних прерывались взволнованными репликами других. Речь шла о том, быть или не быть республике. Взгляды отдельных министров по вопросу о проведении плебисцита расходились. Некоторые из них меняли свои мнения по несколько раз. Лишь Манин и Томмазео энергично отстаивали сохранение республики. Но и их позиции разошлись, когда встал вопрос: что же делать дальше, как ответить на самовольные действия провинций в ущерб целостности республики? Манин требовал распустить департаментский комитет Виченцы, который был инициатором проведения плебисцита в провинциях. Это предложение было отвергнуто большинством членов правительства. Однако почти все отклоняли метод плебисцита, по существу, открытого голосования. Многие министры предлагали созвать ассамблею для решения судьбы республики и с этой целью немедленно разработать избирательный закон. Министры-либералы считали, что ассамблея обязательно проголосует за присоединение к Сардинскому королевству. Идею созыва ассамблеи поддерживал и Томмазео, однако он был уверен, что ассамблея выскажется за сохранение республики. Манин, знавший обстановку лучше, чем Томмазео, считал, что ассамблея проголосует за присоединение к Сардинскому королевству. Поэтому он советовал пока ничего не предпринимать. Обосновывая свое предложение, он сказал, что, если ассамблея решит отрицательно вопрос о присоединении, республика больше не будет получать военной помощи от Сардинского королевства; если же она решит вопрос положительно, могут возникнуть волнения и беспорядки. Манин также напомнил о протесте Мадзини и добавил, что за этим протестом последует много других аналогичных³⁸. После долгих споров предложение Манина было отвергнуто, и подавляющим числом голосов правительство решило созвать ассамблею, отсрочив лишь опубликование декрета об этом дней на десять.

Тем временем провинции Падуя, Виченца, Тревизо и Ровиго провели плебисцит. Как можно было предвидеть, большая часть избирателей высказалась за присоединение к Сардинскому королевству. 31 мая представители департаментских комитетов этих провинций, собравшись в Падуе, приняли обращение к Временному правительству республики, написанное в ультимативной форме. Они требовали проведения плебисцита также в Венеции и ее провинции и заявили, что, в случае если правительство будет продолжать настаивать на том, чтобы отложить решение этого вопроса до окончания освободительной войны, Венеция останется изолированной и провинции образуют новый правительственный центр в континентальной части республики. Авторы обращения указывали, что республиканская форма правления «не поддерживается волей нации» и не пользуется уважением тех государей, которые «готовы помочь изгнать иностранцев». Обращение заканчивалось требованием присоединить всю территорию республики к Сардинскому королевству и предупреждением, что, если правительство до 3 июня не примет предложения провинций, они пошлют в Милан своих представителей для участия в комиссии по разработке статута переходного периода, который должен будет существовать до утверждения Учредительным собранием образования королевства Северной Италии³⁹.

Обращение провинций вызвало напряженную дискуссию на заседании правительства 1 июня. Манин снова предлагал воздержаться от ка-

ких-либо актов и не созывать пока ассамблею. Большинство министров осуждало действия провинций, но к определенному решению правительство не пришло, и обсуждение было перенесено на следующий день. 2 июня споры возобновились в более острой форме. Встал вопрос о том, какие же провинции должны избирать ассамблею. Министры-либералы предлагали, чтобы ее избирало только население провинции Венеция. Манин возразил им, указывая, что отдельные районы провинций не согласились с решениями департаментских комитетов и что их нельзя считать отделившимися от республики; поэтому он предлагал, чтобы им тоже было предоставлено право участвовать в выборах депутатов в ассамблею. Но Манина никто не поддержал, и правительство проголосовало за созыв 18 июня ассамблеи лишь провинции Венеция⁴⁰. Провинциям, приславшим ультимативное обращение, сразу же было сообщено об этом.

Отделение провинций от республики стало теперь фактом. 3 июня был опубликован декрет о выборах депутатов в ассамблею Венецианской провинции. В нем указывалось, что ассамблея определит, должен ли вопрос о политическом устройстве решиться теперь или же его можно отложить до конца войны; если ассамблея придет к выводу, что его надо рассматривать немедленно, то она решит, оставаться ли территории провинции самостоятельным государством или же она должна быть присоединена к Пьемонту⁴¹. В преамбуле декрета осуждались департаментские комитеты четырех провинций, которые провели плебисцит таким же методом, как в Ломбардии, и своими действиями вызвали разногласия и способствовали ослаблению рядов патриотов, в то время как «у всех итальянцев должна быть только одна цель — достижение независимости».

Деятели демократического движения понимали, что республика доживает последние дни. Этот факт, собственно, признавался декретом о выборах в ассамблею: ведь она должна была избираться только одной провинцией, так как отделение остальных провинций, не занятых еще австрийцами, считалось совершившимся фактом. В эти тяжелые дни напряженной политической борьбы, в условиях наступления австрийцев, которые продвигались все ближе к Венеции, республиканцы, уже ослабленные разногласиями, продолжали настойчиво выступать против давления агентов Сардинской монархии и помогавших им правых либералов и консерваторов. Опубликование декрета о выборах в ассамблею вызвало мощную волну протеста демократических сил. На улицах Венеции собирались многочисленные толпы, которые провозглашали: «Да здравствует республика!», «Да здравствует Манин!»⁴². 3 июня широкие массы народа, выступавшие против действий правых элементов, заполняли улицы Венеции до поздней ночи. На следующий день в городе были организованы крупные демонстрации, опубликованы многочисленные листовки, обращения, подписанные отдельными гражданами, офицерами армии и гражданской гвардии. Все они энергично выступали в защиту республики. «Желаем республику — и республика будет!» — писали авторы одной прокламации, предлагавшие призвать Францию на помощь. Намекая на Карла Альберта, они заявляли: «Не можем объединиться с тем, кто нас предаст»⁴³. Демонстрации и волнения в Венеции не прекращались в течение трех дней. На площади св. Марка произошли столкновения между демонстрантами и жандармерией⁴⁴. Венеция переживала тревожные дни. Тревога выражалась в листовках и газетных статьях, в страстных спорах на улицах и в клубах. Стены зданий были покрыты

⁴⁰ «Verbal», pp 188—191

⁴¹ «Raccolta» T II, p 240

⁴² «Documenti diplomatici» Vol I, p 88, A. M. Dalla Pozza Nostro Risorgimento Lettere dal carteggio dei marchesi Gonzati Firenze 1941, p 93.

⁴³ «Raccolta» T II, pp 254—255

⁴⁴ D. Manin Documents authentiques T I, p 255.

³⁷ A. Ventura Op cit, p 49

³⁸ «Verbal», p 181

³⁹ «Raccolta» T. II, pp. 228—230.

воззваниями. Рядом с листовкой, в которой провозглашалось: «Да здравствуют Манин и республика!» — наклеивались прокламации с лозунгом «Да здравствует Карл Альберт — шлага Италии!». Возбужденные толпы срывали листовки противной стороны и вместо них наклеивали свои⁴⁵.

И в эти дни, как и раньше, Манин не хотел допустить обострения борьбы; он опасался развязывания гражданской войны. Когда к его дому подошла толпа демонстрантов, провозглашая: «Да здравствует республика!», — Манин вышел и заявил им: «Чего вы хотите?.. Не время теперь говорить ни о республике, ни о конституции... Вы говорите о суверенном народе. Но вас немногим более двухсот, а народ (Венеция. — В. Н.) составляет сто тысяч, следовательно, вы — не народ... Вижу среди вас сильных молодых людей. Пусть же они запишутся в армию, чтобы изгнать врага, так будет лучше»⁴⁶. После этого демонстранты разошлись. 4 июня за подписями Манина и Томмазо было выпущено воззвание «К венецианцам», в котором мотивировалась необходимость созыва ассамблеи «наиболее уважаемых граждан» для решения судеб страны. Вожди демократических сил призывали венецианцев участвовать в выборах и «соблюдать спокойствие и порядок»⁴⁷. Однако волнения не улеглись, шумные демонстрации в Венеции и столкновения между отдельными группами граждан не прекращались. Префект города и Комитет общественного надзора опубликовали заявления, в которых гражданам предупреждалось, что в случае повторения беспорядков к виновным будут приняты строгие меры⁴⁸. Эти предупреждения не помогли.

В Венеции вновь отмечался подъем республиканского движения, и правое большинство Временного правительства вынуждено было считаться с этим фактом. В такой обстановке Манину удалось настоять на отсрочке, на неопределенное время, созыва ассамблеи⁴⁹.

Решение об отсрочке созыва ассамблеи вызвало недовольство Карла Альберта. Он направил в Венецию маркиза И. Спинолу и графа Э. Мартини для усиления антиреспубликанской пропаганды. Они инспирировали «Адрес» офицеров морского флота, которые заявили, что не желают сражаться за Венецию, если она останется республикой. Мартини и Спинола спровоцировали также демонстрацию некоторых отрядов гражданской гвардии (29 июня), потребовавших присоединения территории республики к Пьемонту. В рядах демонстрантов раздавались враждебные Манину и Томмазо возгласы. Вечером того же дня депутация от Генерального штаба гражданской гвардии явилась к Манину домой. С ней был и министр Кастелли. Они повторили требования демонстрантов. Манин резко осудил их действия. Дело дошло до того, что представители гражданской гвардии хотели арестовать президента. Кастелли удержал их от этого шага.

На следующий день лидеры правых элементов уже обсуждали между собой состав нового правительства, которое должно было прийти на смену кабинету Манина и в котором не должно было быть ни одного республиканца⁵⁰. Мартини и Спинола в конце концов добились своего: они вынудили правительство издать декрет о созыве ассамблеи 3 июля.

Миссия Мартини и Спинолы содействовала усилению позиций «альбертистов» и реакционных сил в Венеции. Последние теперь подняли голову. Своими действиями министры-либералы потворствовали оживлению деятельности реакционеров. Весьма характерны в этом плане репрессии против демократической печати. 29 июня Комитет общественно-

го надзора принял постановление о запрещении газеты «Staffetta del popolo», а также об аресте автора опубликованной в ней статьи, редактора газеты и владельца типографии (в статье говорилось, что выборы в ассамблею являются незаконными, критиковалась политика Карла Альберта). Возмущенный Томмазо послал министру юстиции Кастелли гневное письмо, в котором писал: «Исправьте скандальную несправедливость. В свободной стране арестовать автора статьи, владельца типографии и редактора, и вдобавок запретить газету, и это сделала полиция — без суда и без расследования! Австрия не смогла бы сделать хуже. Мне стыдно за правительство и за эту несчастную страну»⁵¹. В ответе своему коллеге Кастелли оправдывал эти действия, ссылаясь на... статью австрийского уголовного кодекса, и отметил, что «следует отличать свободу печати от свободы устраивать беспорядки». Министр-либерал добавил, что такие меры «необходимы для спокойствия и для спасения страны»⁵².

Но спокойствие и порядок нарушали реакционные силы и потворствовавшие им министры-монархисты. Для общественного мнения Венеции тех дней характерны также апатия и индифферентность, неопределенность и недоверие, взаимные обвинения «альбертистов» и республиканцев. Ободренные поддержкой пьемонтских агентов, реакционеры стали травить Манина и Томмазо, организовали поток анонимных писем Манину, в которых содержались угрозы и требования его ухода в отставку⁵³. За скорейшую ликвидацию республики и присоединение к Пьемонту наиболее активно выступали помещики и крупная буржуазия⁵⁴.

Силы республиканцев ослабли, они оказывали очень незначительное сопротивление натиску «альбертистов». Многие сторонники республики пришли к выводу о неизбежности присоединения Венеции к Пьемонту, но они с горечью воспринимали эту перспективу. Яркое представление о состоянии умов в те дни дает докладная записка Комитета общественного надзора министру юстиции, написанная 1 июля 1848 г. по его указанию. «Население, — писали авторы этого любопытного документа, — постепенно убедились, что обстоятельство требуют пренебрежения своими убеждениями и симпатиями и что необходимо действовать заодно с Ломбардией и с венецианскими провинциями, чтобы отдаться... Пьемонту. Тот республиканский дух, который когда-то вызывал у всех трепет сердца, теперь успокоился, чтобы уступить место расчету. Мало теперь республиканцев... Но они — люди глубокой веры и справедливых чувств; они не дадут себя увлечь, чтобы нарушить порядок и защитить меньшинство против «альбертистского» большинства, которое вторглось повсюду»⁵⁵. Таким образом, нерешительность республиканцев дала возможность правым элементам применять насилие еще до того, как они полностью овладели властью, и тем самым обеспечили решение ассамблеи вопроса о присоединении в желанном для них духе.

Ассамблея представителей провинции Венеция открылась 3 июля. За несколько дней до этого, 28 июня, палата депутатов Сардинского королевства одобрила закон о присоединении к королевству провинций Венецианской республики: Падуи, Виченцы, Тревизо и Ровиги — совместно с Ломбардией. Кроме причин, о которых говорилось выше, в известной мере и это обстоятельство способствовало быстрому принятию ассамблеей Венеции решения о присоединении. Всего было избрано 193 депутата ассамблеи, но в ее работе приняли участие 133⁵⁶, так как

⁴⁵ V. Marchesi. Op. cit., p. 232; L. Garnier-Pagès. Op. cit., pp. 394—395.

⁴⁶ D. Manin. Documents authentiques... T. I, p. 255; V. Marchesi. Op. cit., p. 242.

⁴⁷ D. Manin. Documents authentiques... T. I, p. 260.

⁴⁸ «Raccolta». T. II, pp. 257—258, 304.

⁴⁹ «Le Assemblée del Risorgimento». Vol. II. Roma. 1911, p. 55.

⁵⁰ «Documenti diplomatici». Vol. I, pp. 169—170.

⁵¹ Ibid. Vol. I, p. 671.

⁵² Ibid., p. 672.

⁵³ V. Marchesi. Op. cit., p. 243.

⁵⁴ D. Manin. Documents authentiques... T. I, p. 267.

⁵⁵ «Documenti diplomatici». Vol. I, p. 680.

⁵⁶ «Le Assemblée del Risorgimento». Vol. II, p. 63.

остальные не могли прибыть в Венецию ввиду оккупации районов, избравших их, австрийцами.

После утверждения повестки дня и регламента ассамблеи с докладом выступил Манин. Напомнив о взаимоотношениях с Ломбардией и провинциями республики, он призвал депутатов хорошо обдумать вопрос о политическом устройстве Венеции, ибо решения ассамблеи придадут городу силу и позволят ему занять достойное место в будущей объединенной и независимой Италии⁵⁷. При этом свое мнение он пока не высказал. Горячие дебаты по этому вопросу начались 4 июля. Манин предвидел решение, которое примет ассамблея. Но он хотел, чтобы республиканцы, которые не могли рассчитывать на успех, дали критическую оценку политике «альбертистов». Поэтому Манин заранее договорился с Томмазо, чтобы тот выступил⁵⁸. В своей яркой речи Томмазо разоблачил корыстную политику Карла Альберта и заявил, что не считает необходимым немедленное решение вопроса о политическом устройстве Венеции. Напомнив о торжественном заявлении Карла Альберта, что он не сложит своего оружия, пока из Италии не будет изгнан последний австриец, оратор сказал, что король Пьемонтский мог бы помочь Венеции, но не желает это делать. В заключение Томмазо заявил, что договор, продиктованный страхом, не может иметь никакой силы, и предложил сообщить Карлу Альберту и всем итальянским государствам, что уважение достоинства Венеции и всей Италии требует отложить вопрос о присоединении до конца войны.

Главным оратором «альбертистов» был министр внутренних дел Палеокапа. Желая усилить страх, царивший среди венецианцев, он заявил, что если Венеция немедленно не будет присоединена к Пьемонту, ей грозит полное разрушение⁵⁹.

Затем на трибуну поднялся Манин. «Я держусь сегодня, — сказал он, — того же мнения, что и 22 марта, когда я перед воротами арсенала и на площади св. Марка провозгласил республику. И не только я, но и все тогда были того же мнения. Сегодня никто уже с этим не согласен». Эти слова вызвали движение и шум в зале, и Манин сделал усилие, чтобы успокоить всех. «Я собираюсь высказать здесь, — продолжал оратор, — слова примирения и любви и прошу не перебивать меня... Фактом является то, что враг стоит у наших ворот, что враг ждет и желает раздора в нашей стране, непобедимой до тех пор, пока мы единодушны, легко одолимой, если у нас начнется гражданская война. Я воздерживаюсь от всякой дискуссии по поводу моих убеждений и по поводу убеждений других и сегодня прошу поддержки; прошу великой жертвы и прошу ее у моей партии, у великодушной партии республиканцев. Дадим мощный отпор врагу, который стоит у наших ворот и рассчитывает на наши разногласия. Забудем сегодня обо всех партиях, забудем о существовании монархистов и республиканцев и покажем, что сегодня мы все — итальянцы. Республиканцам я говорю: будущее принадлежит нам. Все, что сделано, и все, что делается, носит временный характер. Решать будет итальянский парламент в Риме»⁶⁰.

Речь Манина вызвала всеобщее одобрение и сопровождалась громом аплодисментов. 130 голосами против 3 ассамблея приняла решение, что вопрос о политическом устройстве Венеции должен быть рассмотрен немедленно. Затем был поставлен на голосование вопрос о присоединении к Пьемонту. Никто больше не выступил ни «за», ни «против». Все видели, к какому решению склонялась ассамблея. Даже Томмазо, который в своей речи, полной сарказма, подверг резкой критике сторонников

присоединения, не отстаивал свою точку зрения. Наоборот, он теперь предложил включить в формулу присоединения также область Трентино, которая расположена рядом с Венецианской областью⁶¹. В решении о присоединении, проект которого внес лидер «альбертистов» Я. Кастелли, говорилось, что «в интересах Венеции и всей нации... мы вотируем немедленное присоединение города и провинции Венеция к Сардинскому королевству на тех же условиях, что и Ломбардия, с которой мы желаем навсегда оставаться неразрывно связанными и разделить ее политические судьбы вместе с венецианскими провинциями»⁶². Предложение было принято 127 голосами против 6.

Затем приступили к обсуждению вопроса о составе нового правительства взамен прежнего, подавшего в отставку. Первыми многие депутаты при всеобщем одобрении назвали имя Манина. Его уже было избрало. Но неожиданно он встал и, поблагодарив за оказанные ему честь и доверие, заявил, что он «никогда не скрывал, что был, есть и остается республиканцем». Но в монархическом государстве, продолжал он, «я не могу быть ничем, разве только могу стать на сторону оппозиции... Прошу сограждан не заставлять меня делать то, что против моих идей». Манин добавил, что силы ему изменили и что он не может больше нести тяжкое бремя, которое нес в течение трех месяцев. В зале раздавались голоса депутатов: «Нет! Нет! Да здравствует Манин!» Не помогли продолжительные аплодисменты всего зала. Манин снова встал и категорически заявил, что если его изберут, он все равно откажется⁶³. Ассамблея вынуждена была считаться с этим.

В новое правительство были избраны: Я. Кастелли — председатель правительства, П. Палеокапа, Ф. Камерата, А. Пауллуччи, Л. Мартиненго, Дж. Б. Каведалис, Дж. Реалии⁶⁴. Это было правительство правых, которое вошло в историю под названием «июльского». Оно продержалось один месяц. С образованием этого правительства, которое официально именовалось «Временным правительством Венеции», республиканский строй в Венеции фактически перестал существовать. С первых дней своего правления оно столкнулось с ростом народного движения, которое оно тщетно пыталось остановить при помощи репрессий. Под напором мощных демонстраций и волнений 11 августа правительство пало.

Ассамблея избрала правительство триумvirата, а Манин был облечен диктаторскими полномочиями. Начался новый этап революции. Венеция выстояла длительный период полной блокады — с суши и моря. Организаторами и вдохновителями героической обороны были демократы — Манин и его соратники. Свободолюбивая Венеция дольше всех итальянских государств оказывала сопротивление австрийцам. Ее граждане в течение 17 месяцев проявляли исключительную самоотверженность. В обороне Венеции участвовали патриоты всей Италии. 22 августа 1849 г. последний очаг итальянской революции был уничтожен.

Демократическое движение Венеции тесно связано с именем Манина. Он был организатором и вождем этого движения. Любимец народных низов — рабочих, ремесленников, гондольеров, он пользовался уважением и со стороны мелкой и средней буржуазии. Ему свойственны были колебания, непоследовательность и нерешительность. Но эти черты были присущи многим представителям демократического движения эпохи Рисорджименто.

Опыт революционной борьбы Венецианской республики 1848 г. не пропал даром: он послужил уроком для следующих поколений борцов за объединение Италии.

⁵⁷ Ibid., p. 68.

⁵⁸ N. Tommaso. Op. cit. Vol. II, p. 66.

⁵⁹ «Le Assemblée del Risorgimento». Vol. 11, pp. 83, 85, 87, 89.

⁶⁰ Ibid., pp. 92—93; «Raccolta». T. II, p. 478.

⁶¹ «Le Assemblée del Risorgimento». Vol. II, p. 94.

⁶² Ibid., p. 93.

⁶³ Ibid., pp. 100—101.

⁶⁴ Ibid., p. 101.